

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЭНЕРГИЯ ОТРИЦАНИЯ

22 апреля в Объединенном музее писателей Урала состоялся 5-й междисциплинарный научный семинар, продолживший серию семинаров по феноменологии и психологии творчества («Феномен творческой неудачи», 2010; «Феномен незавершенного», 2012; «Феномен творческого кризиса», 2014; «Феномен затекста», 2019), идея и организация которых принадлежит проф. Т. А. Снигиревой и доц. А. В. Подчиненову, преподавателям кафедры русской и зарубежной литературы Уральского гуманитарного института УрФУ. Данный семинар, в определенной степени итоговый, был посвящен феномену *НЕ*.

Открывала семинар своеобразная преамбула из трех докладов, в которых были предприняты попытки очертить основное содержание и приблизительные границы рассматриваемого феномена.

В докладе А. В. Подчиненова и Т. А. Снигиревой «Энергия отрицания» подчеркивалось, что общее начало, объединяющее все семинары, — это актуализация периферийных, «маргинальных», неосновных, но важных понятий современной филологии. Поставленная проблема вполне логична и консеквентна по отношению ко всем предыдущим. Анализ истоков творческой неудачи влечет за собой разговор об отрицательной эстетике, «минус-эстетике»; феномен незавершенного как явление истории литературы и как сознательный авторский прием часто описывается через поэтику «не»: мотив невоплощенного, семантические лакуны, конструктивный отказ, отсутствующая структура, знаковое отсутствие и пр.; к формам проявления творческого кризиса относятся молчание, немота, кризисное письмо, утрата социального и литературного статуса, та же творческая неудача. Но одновременно «не», отрицание, выражает связь двух последовательных стадий развивающегося объекта, условие его изменения, при котором некоторые элементы не уничтожаются, а сохраняются в новом качестве, более высокого уровня. Отсюда проистекает еще одна кардинальная, концептуальная установка всех семинаров — поиск креативных начал в отрицании. Это выражается и в способности отрицательной эстетики переходить в положительную, и в том, что незавершенное, понятое как разомкнутое, коррелирующее со значимым отсутствием, может иметь особое, специфически реализуемое смыслообразующее значение, и в том,

наконец, что кризисные и даже катастрофические состояния общества способны инициировать расцвет, а отнюдь не кризис творчества. Задача нынешнего семинара — попытаться описать сам феномен *НЕ* в литературе и искусстве, выявить его функциональность, негативный и творческий потенциалы. Безусловно, с феноменом *НЕ* ассоциируется все, что выламывается из классической парадигмы, не соответствует общепринятому канону, становясь нетипичным литературным явлением. *НЕ* несет в себе семантику не только отрицания, но и утверждения, активизируя возможности и необходимость соотношения, сопоставления, сравнения. *НЕ* обладает уникальной «дифференцирующей функцией» (определение Е. В. Пономаревой). Границы *НЕ*, по сути, безграничны. Настоящий семинар — первая попытка выявить хотя бы относительные границы этого феномена.

Очень важными для формирования общей концепции семинара стали два лингвистических доклада.

О. А. Михайлова (Екатеринбург) рассмотрела семантико-прагматический потенциал частицы *НЕ* в русском языке. Частица *НЕ* в русском языке выражает градуальную семантику. Помимо главного отрицательного значения — «отсутствия предмета, признака, действия и т. д.», она может выражать отрицательные чувственные реакции говорящего, негативные проявления человеческой психики по отношению к действительности. Отрицательная конструкция может говорить о менее категоричной форме отрицания, а также, будучи употребленной в функции эвфемизма, смягчать характер отрицания. Использование частицы *НЕ* в высказывании может соответствовать и положительному суждению, выражая подчеркнутое утверждение. Такая палитра смыслов частицы *НЕ* как языкового явления позволяет наметить литературоведческие векторы исследования феномена *НЕ*. Значение полного отрицания соответствует тому, что какое-либо литературное явление «выламывается» из классической парадигмы, его невозможно причислить к рядоположенным. Частица *НЕ*, означая неполное отрицание, может маркировать *НЕ*принадлежность литературного явления к какому-то жестко дифференцированному феномену. Если *НЕ* находится на другом, положительном полюсе шкалы, имеет значение «утверждения», тогда литературное явление становится обновлением традиции и звучит как *НЕО*- (неореализм, неоромантизм и др.).

В докладе И. Т. Вепревой (Екатеринбург) «Грани русского отрицания» категория отрицания проанализирована с когнитивных позиций, как результат мышления человека, позволяющий посмотреть на категорию отрицания шире — с точки зрения средств выражения. Кроме того, когнитивный подход предполагает рассмотрение отрицания как модальной категории. Анализируется синтаксическая конструкция *это не литература, а...* с семантикой противительности, которая позволяет субъективно интерпретировать объект на основе его несоответствия необходимой норме. И это несоответствие концептуализируется как отрицательная оценка. Контрастивное отрицание в составе противительной конструкции логически вызывает представление о том, какой должна быть настоящая литература. Выделено несколько групп оценок с пейоративной коннотацией. Для характеристики литературы, не соответствующей статусу настоящей,

в языке существует ряд синонимичных приставок со значением несоответствия определенному образцу: *недолитература, псевдолитература, квазилитература, лжелитература, паралитература, антилитература, нелитература*.

В последующем круглом столе его участники раскрыли разные аспекты и формы функционирования феномена *НЕ*.

Выступление О. Н. Турьшевой (Екатеринбург) «“Страннее, чем вымысел”: *heros vs auctor*» было посвящено анализу частотной в повествовательном искусстве XX–XXI вв. сюжетной ситуации, которая Л. В. Пумпянским была охарактеризована как ситуация, «неестественная» для литературы. Основу этой ситуации составляет событие взаимодействия автора и героя, которые изображаются в качестве сюжетных персонажей, выясняющих друг с другом отношения. Крайним случаем реализации этой ситуации в литературе и кинематографе является событие бунта героя против своего создателя. Выделяется три вариации данного сюжета: герой протестует против автора и терпит поражение, герой протестует против автора и одерживает победу, герой протестует против автора и достигает с ним согласия. Сюжет бунта героя против автора рассматривается в качестве особого типа метахудожественной рефлексии, а его актуальность объясняется особенностями постмодернистской поэтики и полемикой с постмодернистской философией смерти субъекта.

И. Е. Васильев (Екатеринбург) обратился к систематике авангардного искусства XX в. в аспекте становления, формирования и развития его разновидностей. Возникновение течений авангарда осмыслено как реакция на классические представления о художественности и отказ от них в новых условиях. Доказано, что отрицание предшествующих художественных практик и их ценностных императивов становится в авангарде фактором формирования новых, а порою и альтернативных путей развития искусства.

Е. Е. Приказчикова (Екатеринбург) рассмотрела репрезентацию библиофильского культурного мифа эпохи Просвещения, спроецированного на жанр романа, который, в соответствии с эстетикой классицизма, часто рассматривался как образец маргинальной литературы и литературы *non grata*. Данное представление берет свое начало в речи Ш. Поре «О книгах, в просторечии именуемых романами» (1736). Скептическое и настороженное отношение к жанру романа демонстрировали практически все русские писатели эпохи классицизма: от М. Ломоносова до Д. Фонвизина. В целом в русской критике XVIII в. доминировали два типа обвинений против романа: обвинение в «развлекательности» романа, противопоставляемого «серьезной» литературе, и обвинение в его развращающем влиянии, часто ассоциирующемся с вольтерьянским либертинизмом. За границей обвинений оставались два типа романов: масонский (романы М. Хераскова) и мифогенный (романы М. Попова, М. Чулкова, В. Левшина с выходом на проблему «славянского баснословия»). В последнее десятилетие XVIII в. за пределами маргинальной литературы оказывается чувствительный роман эпохи сентиментализма, в качестве эталона которого рассматривается «Новая Элоиза» Ж. Ж. Руссо.

Е. В. Пономарева (Москва) в своем выступлении «Отрицание как катализатор художественного эксперимента в новеллистике 1920-х годов» представила разнонаправленные векторы трансформации малой прозы послеоктябрьского десятилетия, основанные на принципах деформации канонических жанровой, родовой и стилевой художественных моделей, а также формальные маркеры эксперимента, свидетельствующие о рождении неканонической (модернистской, синтетической) модели в прозе писателей-новелистов. Особая роль уделена заголовочно-финальному комплексу (заглавие, подзаголовок, эпиграф, специфическая сегментация), графическому облику, монтажной природе и ритмической организации текста. В заключение сделаны предварительные выводы о причинах, характере, специфике и возможном продолжении эксперимента, прекратившегося в силу социокультурных и исторических обстоятельств.

Выступление А. В. Кубасова (Екатеринбург) «Художественные и лингвистические метаморфозы “нет” и “не” в рассказе С. Д. Кржижановского “Страна нетов”» было посвящено анализу одного рассказа, в котором многогранно обыгрывается слово «нет», представляя то существительным («нета», «нетики»), то прилагательным («нетовые»). Рассказ «Страна нетов» представлен в жанре философской притчи и одновременно антиутопии, с помощью перевода философского дискурса в художественный. Доказано, что одним из ведущих стилистических фигур в произведении является парадокс.

Н. В. Пращерук (Екатеринбург) остановилась на творческой судьбе современного прозаика М. В. Павлова, рассказы которого включены в метажанр литературной духовной прозы. Нежелание автора публиковаться истолковано с опорой на святоотеческую традицию понимания творчества как трезвения, «очищения сердца». Это внутренняя работа, которая, по существу, не предполагает завершающего результата и связана с погружением автора в личный духовный опыт.

А. М. Меньщикова (Екатеринбург) свое выступление «Не написаны, но зафиксированы: творческие планы А. Ахматовой» посвятила особой форме записей поэта, связанных с глобальным замыслом написания автобиографической прозы «Мои полвека». Существует по меньшей мере девять различных планов, отличающихся по степени конкретизации, по хронологическому охвату и набору тем, которые должны были составить отдельные главы. Книга прозы так и не была создана, поэтому со временем планы, представляющие собой автобиографический сюжет судьбы А. Ахматовой, становятся фактом утверждения образа ее судьбы, приобретая черты поэтики позднего периода творчества (эксплицированная вариативность, фигуры умолчания, принципиальная незавершенность).

А. В. Снигирев (Екатеринбург) раскрыл энергию отрицания в жизни и творчестве братьев Стругацких. Последовательно рассматривая основные ее виды: *не-писатели, пишут не-литературу, не-самостоятельные в своем творчестве, берегут не-опубликованные рукописи, в их творчестве нет не-законченных текстов*, он выходит на идею разрушительности энергии отрицания, которая в итоге разрушала и личную, и писательскую жизнь соавторов.

О ненормальности современной драматургии говорила М. Д. Графова (Екатеринбург). Отход от нормы проявляет себя прежде всего в форме и структуре пьес, которые существенно уходят от привычных для читателя/зрителя классических канонов. Среди признаков неформатности современной драматургии можно назвать предпочтение читателя зрителю; бесконфликтный способ осуществления действия (изменение, появившееся еще в пьесах А. П. Чехова, но получившее широкое распространение только среди современных драматургических текстов); отсутствие обозначения персонажей и разделения действия на привычные реплики и ремарки, а также отказ от традиционной актерской игры. Среди признаков драматургии, отходящей от общепринятой нормы, можно назвать и произвольное расположение текста на листе (что может больше напоминать поэзию или прозу), синтез текста с компьютерным кодом, шифром или с графическими элементами, либо отсутствие текста как такового.

В выступлении Н. А. Купиной (Екатеринбург) на примере текста романа об истории феноменального дара, любви и предательства «Чагин» исследуются функции отрицания как инструмента художественной стратегии писателя Евгения Водолазкина.

Наконец, завершился круглый стол сообщением Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова «Литературный проект “Анонимус”: технология подмены», в котором проанализированы имитационные практики современного масскульта в использовании издательских и авторских приемов известного писателя для достижения коммерческого успеха.

Главным итогом состоявшегося научного семинара / круглого стола, как и всех предыдущих, стало осмысление концепции будущей монографии, которая должна завершить серию из уже изданных в Издательстве Уральского университета (УрФУ)¹ и переизданных с существенными добавлениями издательством «Алетейя» (Санкт-Петербург)² четырех книг.

*А. В. Подчиненов, доцент УрФУ
Т. А. Снигирева, профессор УрФУ,
ведущий научный сотрудник ИИиА УрО РАН*

¹ Феномен творческой неудачи, 2011; Феномен незавершенного, 2014; Феномен творческого кризиса, 2017; Феномен затекста, 2021.

² Творческая неудача: причины, следствия, креативные возможности, 2021; Незавершенное: феномен творческой практики, 2021; Творческий кризис: свойство творческого мышления и факт художественной практики, 2021; Феномен затекста, 2023.